

Петербургские Ведомости
гор. С.-Петербург, 1903 г.

Петербург № 339 1903.
Письмо въ редакцію.

«Эскизы» г. Зигфрида въ № 337 «Спб. Вѣд.» взволновали меня; мнѣ хочется сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ... Прежде всего, обидно звучитъ ихъ пренебрежительный тонъ по отношенію ко всей 10-тилѣтней дѣятельности нашего театра. Затѣмъ, если представленіе «Вѣднаго Генриха» было дѣйствительно потѣхой надъ искусствомъ Гауптмана, то справедливость требуетъ сказать, что начало этой потѣхи положено не на утренникѣ 7-го декабря, а значительно раньше, такъ какъ театръ Литературно-художественнаго общества, кромѣ «Сна Услады» и «Падшихъ», показавъ русской публикѣ впервые на своихъ подмосткахъ Гауптмана, какъ автора «Ганнеле», «Потонушаго колокола», «Больныхъ людей» и «Крамера»... Причемъ, къ свѣдѣнію г. рецензента долженъ сообщить, что я, исполнитель Генриха фонъ-Ауз, не «первый попавшійся актеръ, который въ обыкновенное время занять въ труппѣ на вторыхъ роляхъ и привыкъ играть вещи несложныя да немудренныя», а исполнитель многихъ главныхъ ролей классическаго репертуара, въ частности и того же автора. Такъ, въ «Потонувшемъ колоколѣ» я игралъ литейщика Генриха, а въ «Ганнеле» — странника Готвальда. То же можно сказать не только про г-жу Озерову, но и гг. Быховца-Самарина и Тихомірова, изъ которыхъ первый долгое время былъ режиссеромъ нашего театра и поставилъ всѣ перечисленныя пьесы Гауптмана — конечно, въ сотрудничествѣ съ кружкомъ литераторовъ, являвшихся въ то (до-карповское) время всегда «своими

лицами» въ общей работѣ суворинскаго театра. Г. Тихоміровъ, занимающій почетное положеніе въ нашей труппѣ, извѣстенъ, какъ незамѣнимый исполнитель Гауптмановскаго каменщика Матерна. Что касается остальныхъ исполнителей, участвовавшихъ въ утренникѣ 7-го декабря, то о нихъ г. Зигфридъ могъ бы сказать, что это — все молодежь, но почему они — «первые попавшіеся»... не понимаю. Г. Зигфридъ не правъ въ своемъ предубѣжденіи противъ состава исполнителей.

Не правъ онъ, и свидѣтельствуя, что «Вѣднй Генрихъ» готовился на скорую руку, «гдѣ-то подъ лѣстницей»... По правдѣ могу увѣрить, что ни одна еще пьеса не давалась камъ такъ тяжело! И переводчикомъ, и режиссеромъ, и исполнителями было потрачено немало напряженнаго, лихорадочнаго труда... можетъ быть, тщетнаго, но все же затраченнаго. Поэтому отмѣчать его отсутствіе, по моему, неосторожно — какъ неправдой было бы съ моей стороны, говорить о томъ, что г. Зигфридомъ на скорую руку написанъ его «эскизъ», что и писалъ-то онъ его гдѣ-то, на редакціонныхъ задворкахъ. Достаточно того, что я укажу г. Зигфриду на его неосвѣдомленность, какъ на недостатокъ его литературнаго труда. Я надѣюсь, что только слѣдствіемъ простой неосвѣдомленности автора явился его неуваженіе къ нашему труду, къ труду нашего театра. Вотъ почему мнѣ больше обидно за г. Зигфрида, который «раздѣлалъ» нашего «Вѣднаго Генриха», чѣмъ за Г. Гауптмана, надъ которымъ якобы потѣбались я и мои товарищи по сценѣ.

Борисъ Глаголинъ.